

БЕЛЫЙ СТИХ – это форма нерифмованного стиха, традиционно применяемая в новоевропейской силлабо-тонике и редко - в некоторых формах тоники. Обратимся к примеру из творчества О.Э.Мандельштама, в котором использование белого стиха мотивировано смыслом стихотворения (поэт не услышит зарифмованные стихи в исполнении актеров, и эту “потерю” чужих рифм подчеркивает его собственный белый стих):

Я не увижу знаменитой “Федры”
В старинном многоярусном театре,
С прокопченной высокой галереи,
При свете оплывающих свечей.

И, равнодушен к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Я не услышу, обращенный к рампе,
Двойною рифмой оперенный стих... <...>
 (“Я не увижу знаменитой “Федры”...)

Эффект, производимый белым стихом, действителен только в тот период и только тогда ощутим читателем, когда подавляющее большинство поэтов зарифмовывают строки, а читающая публика начинает видеть в рифме чуть ли не главный признак стихотворной речи. Поэтому к белому стиху не следует относить те ранние образцы национальных поэтических традиций, создатели которых не были знакомы с явлением рифмы, - стихи античной Греции, русские былины и т.п.

Впрочем, некоторые теоретики литературы (например, М.Л.Гаспаров) трактуют указанное понятие слишком широко, практически отождествляя белый стих с любым нерифмованным стихотворным текстом. Вряд ли с этим можно согласиться, особенно если учитывать этимологию термина “белый стих”: русский эпитет “белый” по отношению к стиху – калька французского “blanc”, а французский эпитет в свою очередь – неточная, но фонетически объяснимая адаптация английского эпитета “blank” (“пустой”).

Хотя строки с белым стихом и лишены рифм, они несколько не хуже рифмованных. Не забудем о том, что “рифма” и “ритм” – этимологически родственные понятия (то и другое – от греч. “rythmos”, т.е. “соразмерность”). В европейской поэзии созвучия лишь подчеркивают края стихов, ритмических рядов. Произведение, написанное белым стихом, может не иметь той композиции звуковых повторов внутри строфы, которую мы обычно называем “рифмовкой”. Но оно может иметь повторяющуюся в строфах последовательность клаузул (стиховых окончаний).

Например, все строки такого произведения могут оканчиваться только мужскими, только женскими или дактилическими клаузулами; в другом случае клаузулы разных типов могут следовать попарно, либо тем или иным образом чередоваться. В поэме Н.А.Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” – только дактилические (д) и мужские (м) клаузулы, притом подчиняющиеся единому композиционному принципу: мужские клаузулы фиксируют окончание длинной синтаксической конструкции или одной из ее частей, совпадающее с окончанием какой-либо строки, остальные же строки оканчиваются клаузулами дактилическими.

Свалив беду на <i>лешего</i> ,	(д)	
Под лесом при <i>дороженьке</i>	(д)	
Уселись мужики.		(м)
Зажгли костер, <i>сложились</i> ,	(д)	
За водкой двое <i>сбегали</i> ,	(д)	
А прочие <i>покудова</i>	(д)	
Стаканчик <i>изготовили</i> ,	(д)	
Бересты <i>понадрав</i> .		(м)

Часто последовательность клаузул при белом стихе заменяет композицию рифм, *компенсирует* их отсутствие: рифма исчезает, но композиция клаузул сохраняется. Такие стихи не менее мелодичны, чем рифмованные, а между тем их творцы часто стараются не отвлекать читателя звучными рифмами от особо насыщенного смыслом текста. Б.Л.Пастернак как переводчик Шекспира сохранял исходную форму белого стиха, но часто компенсировал

отсутствие рифм чередованием мужских (м) и женских (ж) клаузул (и в тех случаях, когда этого чередования не было в тексте источника). Вот так в переводе Пастернака выглядит начало первого монолога леди Макбет из знаменитой трагедии:

Да, ты гламисский и кавдорский <i>тан</i>	(м)
И будешь тем, что рок сулил, но <i>слишком</i>	(ж)
Пропитан молоком сердечных <i>чувств</i> ,	(м)
Чтоб действовать. Ты полон <i>честолюбья</i> .	(ж)
Но ты б хотел, не замаравши <i>рук</i> ,	(м)
Возвыситься и согрешить <i>безгрешно</i> .	(ж)

(У.Шекспир. Макбет. Акт I. Сцена V)

“Белый стих” как “минус-рифмовку” не следует путать с “холостым стихом” (в схеме рифмовки обозначается литерой “х”). “Холостыми” называют стихотворные строки без рифмы, которые обнаруживаются в строфе с рифмовкой. Существуют даже способы рифмовки, основывающиеся на чередовании рифмованных и холостых стихов. Такова рифмовка “гейневского” типа (*хаха хвхв ...*), чрезвычайно популярная в русской поэзии середины XIX века: в четверостишии четные стихи – рифмованные, нечетные – холостые.

Во Францию два гренадера	<i>X</i>
Из русского плена брели,	<i>a</i>
И оба душой приуныли,	<i>X</i>
Дойдя до Немецкой земли.	<i>a</i>

(Г.Гейне. Гренадеры. Пер. М.Михайлова)

Возможны и другие способы чередования холостых и рифмованных строк. Например, Ю.Д.Левитанский трансформировал кольцевую рифмовку в эффектную схему (*хаах хвхв ...*), предписывающую рифмовать только центральные строки четверостишия, оставляя крайние стихи холостыми:

Когда в душе разлад –	<i>x</i>
Строка не удается:	<i>A</i>
Строке передается	<i>A</i>
Разлаженность души...	<i>x</i>

(Ю.Д.Левитанский. “Когда в душе разлад...”)

Подобно тому как в строфе стихотворения могут чередоваться рифмованные и холостые стихи, в произведениях больших форм могут сочетаться части с рифмованным текстом – и с белым стихом. В “Борисе Годунове” А.С.Пушкина сплошной белый стих сменяется рифмованным текстом лишь однажды, когда Лжедмитрий “гордо”, согласно ремарке, произносит перед Мариной монолог “Тень Грозного меня усыновила...”. Этот монолог открывается четверостишием с перекрестной рифмовкой. Неожиданная смена белого стиха рифмованным символизирует перемену эмоционального состояния действующего лица, выделяет особо значимый для постижения характера фрагмент текста.

Как было указано, белый стих преимущественно используется в силлабо-тонике. Он невозможен в такой разновидности тонике, как акцентный стих, по сути являющийся рифмованным верлибром. А вот в дольнике и тактовике – возможен, но подобные тонические образцы встречаются крайне редко, да и создаются, по-видимому, ради эксперимента.

...И ты увидишь в кромешном мраке,
как кружится ворон над спящей Троей,
и ты разглядишь в коне деревянном
ахейских воинов смуглолицых,
ты разглядишь их лица и руки,
их оружие и их доспехи <...>

(Ю.Д.Левитанский. “Не руки скрещивать на груди...”)

В русской поэзии белый стих изначально использовался для переводов иностранных произведений, а также для их имитации. Он органичен в любых силлабо-тонических формах и применим в сочинениях любого литературного рода. Между тем, в истории отечественной литературы можно отчетливо различить оформившиеся традиции: во-первых, использования белого стиха в первую очередь в лирических и драматических жанрах, а во-вторых – его применения в произведениях с определенным силлабо-тоническим размером.

Так, белый 5-стопный ямб пришел в Россию из Англии. На русских авторов стихотворных трагедий и драм оказали влияние исторические хроники и трагедии Шекспира. Ориентируясь на приемы Шекспира, Пушкин пишет “Бориса Годунова” и цикл “Маленькие трагедии”. А.К.Толстой белым 5-стопным ямбом подхватывает историческую тему и развивает ее в драматической трилогии “Смерть Иоанна Грозного”, “Царь Федор Иоаннович” и “Царь Борис”. Уже в первой половине XIX в. эта форма распространилась на лирику и укоренилась в элегиях.

Белый 4-стопный хорей, напротив, применялся в стихотворных эпических жанрах. Начиная с переводов В.А.Жуковского, а затем П.А.Катенина “Романсов о Сиде”, этот хорей с регулярными женскими клаузулами оформлял в “героических” балладах изображение иностранной “экзотики”. Связь стиховой формы с тематикой отчетливо видна в пародийной балладе Козьмы Пруткова (А.К.Толстого) “Осада Памбы”, которая соотносится и с названными переводами, и с переведенной Жуковским балладой Л.Уланда “Алонзо”. В конце века И.А.Бунин переведет белым 4-стопным хореем “Песнь о Гайавате” Г.У.Лонгфелло, а вскоре эта “героическая” форма определит метризацию прозаической “Песни о Буревестнике” М.Горького.

И, наконец, белый стих в русской поэзии традиционно связан с интонацией философствования, с изображением внутренней душевной рефлексии (по-видимому, и в этом сказалось влияние драматургии Шекспира). В начале XX века с этой целью к форме белого стиха обращался А.А.Блок (“Вольные мысли”).

В.Б.Семёнов

Источник: Л.В.Чернец, В.Б.Семёнов, В.А.Скиба. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., Просвещение, 2002. С. 95-98.